

Моя. коммюнизм, 1982, 17 июля

СУДЬБА Шагала переросла в легенду. Творчество окутано дымкой загадочности. «Какой-то маленький Гофман околловитебских трущоб, — писал о нем Луначарский. — Еще скорее Ремизов кисти...»

Марк Шагал родился в Лиозне, около Витебска. Его дядя держал парикмахерскую, а отец торговал рыбой и хотел сделать торговцем сына. А Марк вместо этого стал учиться рисовать. И уже тогда его рисунки казались странными в своей загадочности. И уже тогда из сюжета в сюжет стали «перелетать» мешковатые мужики в фуражках, с лакированными козырьками, рыбы, ослики с громадными глазами, домики с острыми крышами и маленькими оконцами, влюбленные, устремившиеся навстречу друг другу.

внутри своей вселенной, где белому — символу духовности — тоже есть место. Иногда этот цвет, в виде света звезд, прорезает темный небосклон, где во всей земной реальности парит плотная крестьянка. В более поздних работах небо будет голубее от появившегося на небосклоне белого светила, вокруг которого все живое закружится в бесконечном полете.

Но тогда, в Витебске, он только приближался к своему голубому абажуру. И когда его покинули ученики, Шагал покинул Витебск, став учителем рисования в Малаховской трудовой колонии под Москвой. Сохранилась фотография тех лет. На ней Марк Шагал в светлой рубашке, сандалиях римского плетения, с запоминающимся ностальгическим выражением

Он любил все живое

ЖИВОПИСЬ

«Перелетать...»

Ведь многое у Шагала происходит в небе.

Есть древнее понятие неба. Где плоть легче воздуха. Понятие небесной тверди.

Небо у Шагала присутствует и там, где действие происходит на земле. Ведь небо не только то, что у каждого над головой. Вот почему его персонажи все смотрят внутрь себя. В свой микрокосм.

И ирреальное вдруг становится реальным. Фантастическим и реальным, как в фильмах Феллини. Вот прямо на улице лежит покойник — и шесть горящих свечей вокруг него. С пламенем каким-то веселым, потрескивающим. А на крыше человек в котелке играет на скрипке. А потом сюжет переходит на другую картину. А на ней нарисовано кладбище, ворота которого украшены древними письменами. И так нарядны вензеля, будто отсюда и начинается дорога не из жизни в смерть, а наоборот.

...Сразу после революции Шагал уехал в Витебск уполномоченным по делам искусств. Там уже учительствовали Пуни, Малевич. (Интеллигенция спасалась в Витебске от голода. И на некоторое время этот провинциальный городок, где было много столбов, заборов и свиней, стал даже некоей художественной столицей). И Шагал тоже предпочел кафедру палитры. Но вскоре его ученики перебежали к Малевичу, известность к которому пришла, еще когда он выставил «Черный квадрат на белом фоне». Эта картина ознаменовала собой возникновение теории супрематизма, по которой настоящий художник — не тот, кто повторяет природу («Что толку, что на картине я увижу еще одну кошку, с разницей, что не настоящую!»), а настоящий художник тот, кто не подражает, а выражает себя. «Я порвал синий абажур цветных ограничений, — утверждал Малевич, — вышел в белое, за мной, товарищи авиаторы, плывите в бездну».

Теория Малевича будоражила молодые умы.

А шагаловские мешковатые мужики и ослики с человеческими глазами и не стремились этот абажур прорвать. Шагал жил

глаз. Может, он так вглядывался в объектив, по-актерски рисуясь, пряча за этой маской подлинное лицо своей неустроенной жизни.

Но неустроенность тогда была всеобщей. И тогда было объективно не до искусства. Бурлящим улицам к лицу шли плакаты и марши. И совсем не случайно Париж на какое-то время стал центром русской живописи. «К нему притягиваются со всех сторон юноши, алчущие и жаждущие красоты и творчества, — писал Луначарский. — И притом больше всего притягивает Париж не своим великим искусством прошлого и непризнанным искусством настоящего, а кипением всевозможных, безудержных и безоглядных исканий...»

В Париже Луначарский и повстречался с уехавшим туда Шагалом. Он жил в том же живописном и убогом «Ла Руче», этом коллективном гнезде художников.

Шагала в Париже знали. Он и в Париже продолжал писать картины на русские мотивы. Но с годами его художественное видение, питаемое духом маленького провинциального городка, стало более туманным и расплывчатым.

Юрий Трифонов, побывав в Париже, вспоминал о своей встрече с Шагалом. В комнату ворвался маленький, быстрый, взерошенный человек, лысоватый, загорелый, с простодушным изумлением в слегка выцветших от вековой жизни глазах и набросился с вопросами... о Витебске. Жена Трифонова показала репродукцию, только что купленную в музее, одной из работ Шагала. На темно-коричневом фоне стояли чуть косо старинные часы в деревянном футляре. Шагал рассматривал репродукцию молча, долго и пристально, держа ее далеко от глаз. И вдруг чуть слышно пробормотал: «Каким надо быть несчастным, чтобы это написать...»

Шагал любил Пушкина. И томик его стихов постоянно держал под руками.

Еще любил он все живое. Он повторял: «Все живое имеет право на жизнь». Философия пронизывала его творчество. Не случайно про нее говорили, что она замешана на витебском и общечеловеческом. Его считают художником интернациональным, а он называл себя русским. Правда, когда я позвонила в Витебск узнать о создании там музея Шагала, мне ответили, что на сохранившемся домике Шагала на бывшей второй Покровской пока даже нет мемориальной доски...

Татьяна ХОРОШИЛОВА.

34